

S. A. Aseeva, Moscow State University

ILLUSTRATION OF LEO TOLSTOY'S NOVEL «WAR AND PEACE» BY LEONID PASTERNAK AT THE ASPECT OF INTERMEDIAL INTERRELATION OF LITERATURE AND PAINTING

The article analyses the illustrations of an epic novel «War and Peace» by Leo Tolstoy made by Leonid Pasternak at an intermedial (as the interrelation of literature and fine art) and at a philosophical aspect. The author proves, by means of fine art, the painter managed to express key categories of the philosophical anthropology by Leo Tolstoy that reflects on the pages of the book «War and Peace».

Keywords: literature, fine art, intermediality, «War and Peace», the illustration by Leonid Pasternak, the philosophical anthropology by Leo Tolstoy.

References

1. Tolstoy L. N. *Polnoye sobranie sochineniy v 90 t.* Jub. izd. [Complete collect. of 90 vol. Jub. ed.], vol. 10, p. 203, 204, vol 11, p. 382, 386, 387, 388, vol. 12, p. 40, 41, 42, 43. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1928–1958.
2. Zaltsburg E., Pasternak Zh. L. *Biographia otca. Vstupitel'naya statia, publicatsia, kommentarii Ernsta Zaltsburga.* [Father's biography. Preface, publication, comments by E. Zaltsburg] / E. Zaltsburg, Zh. L. Pasternak // Sem' iskusstv, 2011, № 10. Available at: <http://7iskusstv.com/2011/Nomer10/Zaltsberg1.php>.
3. Krichevskaya E. *Khudozhnik Pasternak ilustriruet Lva Tolstogo, svoyu semju i vs'u Rossiyu.* [The painter Pasternak illustrates a Leo Tolstoy, his family and all Russia] / E. Krichevskaya. Available at: <http://goo.gl/fVMjpN>
4. Pasternak L.O. *Zapisi raznykh l'et.* [Notes made during different years]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1974. P. 176, 178.

© С. А. Асеева, 2016

Автор статьи – Светлана Александровна Асеева, аспирантка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, e-mail: nathalie1812@yandex.ru

Рецензенты:

В. Б. Катаев, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

М. С. Макеев, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

УДК 821.161.1

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.26

А. В. Подворная,

Омский государственный педагогический университет

СЕМАНТИКА САДА В СТИХОТВОРЕНИИ И. АННЕНСКОГО «ЛИШЬ ТОМУ, ЧЕЙ ПОКОЙ ТАИМ»

В статье представлен интертекстуальный анализ стихотворения И. Анненского. Раскрывается поэтологическая семантика сада, в свете которой в стихотворении намечается традиционный мотив явления Музы в уединённый приют поэта. Топос солнечного сада связывается с двумя контекстами: «золотым веком» античности и пушкинской поэтической эпохой.

Ключевые слова: русская поэзия, сирень, Муза, теория творчества, Царское село.

Поэтическое наследие Анненского, как справедливо отмечает В. Гитин, представляет собой «узкий круг тем, для раскрытия которых поэт находит множество сюжетов и интонационных ключей» [3, с. 34]. В связи с этим учёный определяет творческий метод автора «Тихих песен» и «Кипарисового ларца» как «интенсивный». С таким определением трудно не согласиться, поскольку лирика Анненского изобилует константными образами, и один из ключевых – образ сада.

В стихотворении «Лишь тому, чей покой таим» пространство сада, связанное с героиней стихотворения, условно-поэтическое: «Ты придёшь, коль верна мечтам,/ Только та ли ты?/ Знаю: сад там, сирени там/ Солнцем залиты./.../ Пчёлы в улей там носят мёд,/ Пьяны гроздами». Раскрытию символики сада помогает анализ ряда мотивов.

Одна из деталей сада – «пчёлы», носящие «в улей мёд», отсылает нас к традиционным метафорам поэта-пчелы и поэзии-мёда. К. Тарановский восстанавливает один из ранних источников данного образа [8, с. 126]. Это диалог Платона «Ион»: «Говорят же нам поэты, что они летают, как пчёлы, и приносят нам свои песни, собранные у медоносных источников в садах и рощах Муз» (перевод В. Я. Боровского)» [6, с. 262]. Отметим, что Анненский использует данную метафору и в своей оригинальной в драме «Фамира-кифаред»: под впечатлением от игры Евтерпы Фамира чувствует, «как к пальцам приливает / Из сердца кровь – там золотые пчёлы / Соскучились по струнам» [1, с. 524].

Другим атрибутом сада в стихотворении становится сирень. Восстановить семантику данного фитообраза в рамках только этого стихотворения сложно, но в контексте всей лирики Анненского сирень связана с устойчивыми мотивами. Упоминание этого цветка встречается, к примеру, в стихотворении И. Анненского «Л. И. Микулич», посвящённом Царскому селу: «Там были розы, были розы // Пускай в поток их унесло. // Там всё, что навсегда ушло, // Чтоб навевать сиреням грезы». Г. Савельева отмечает, что сирень у Анненского, как правило, связана с исходным состоянием полусна-полуяви. Для понимания его семантики исследователь обращается к статье Анненского «Пушкин и Царское Село», где Анненский пишет, что «процесс творчества соединился у Пушкина: или с **грёзами** первосония, или с лесными зарослями где-нибудь у воды» [2, с. 310–311]. «Грёзы сиреней» становятся в «Л. И. Микулич» символом самого творческого процесса [7, с. 148].

Итак, сад и сирень репрезентируют в лирике Анненского семантику искусства, тогда справедливо будет предположить, что обитательница сада в стихотворении «Лишь тому...» – это Муза. Такое предположение подтверждается и подтекстом заключительного стихотворения «Трилистника одиночества». Мимо внимания исследователей проходит внутренняя соотнесённость «Дальних рук» с фрагментом из «вакхической драмы» «Фамира-кифаред». Так, в драме Анненского образ Евтерпы складывается из повторяющегося мотива *холодности*, а также упоминания о *руках* или *пальцах* богини. В портрете Музы настойчиво подчёркиваются пальцы богини, но с разными эпитетами: «розовые», «тонкие», «длинные». В стихотворении «Дальние руки» образ возлюбленной рисуется сходными штрихами:

Зажим был так сладостно сужен,
Что пурпур дремоты поблёл, –
Я розовых, узких жемчужин
Губами узнал холодок [1, с. 138].

Это наводит на мысль, что в стихотворении «Дальние руки» на глубинном уровне Анненский так же, как и в первом тексте «Трилистника одиночества», развивает одновременно тему любви и творчества, и в облике возлюбленной проступают черты Музы.

В стихотворении «Лишь тому, чей покой таим» топосы поэта и его Музы различны, отделены друг от друга. Если пространство Музы – сад, то поэт – дом («Лишь тому, чей покой таим, / Сладко дышится... / Полотно над окном моим / Не колышется»). Так в стихотворении намечается традиционный мотив явления Музы в уединённый приют поэта.

Муза обитает в солнечном весеннем саду. Весенний пейзаж, солнечность сада позволяют предположить, что Муза Анненского принадлежит пространству «золотого века», это античная муза мимезиса или жизнеутверждающей поэзии, на что косвенно намекает и любовная тематика. Но одна деталь – сирень – выпадает из античного контекста. Сирень является частью русского усадебного текста. Как писал Е. Золотницкий, «у русских связано с сиренью воспоминание о старинных помещичьих усадьбах» [5, с. 289]. Таким образом, топос солнечного сада актуализирует в стихотворении Анненского два контекста: «золотой век» античности и одновременно пушкинский поэтический век, век воплощённого Идеала, век «обетованья красоты».

В художественном мире «Тихих песен» и «Кипарисового ларца» сад становится манифестацией определённой «теории творчества». Эта идея Анненского эксплицирована в его в речи о Достоевском, где он выделяет два прототипа поэта, или «две героизированных теории творчества», идущих из древности. Первая – «эллинская, с преобладанием активного момента. Это был похититель огня, платоновский посредник между богами и людьми. Поэт, гений, по теории этой, был демоном,

а поэзия – оказывалась чем-то вроде божественной игры. Второй прототип сохранился Библией. Это была пассивная форма гения, и здесь поэт являлся одержимым. Это был пророк, т. е. сосуд со скрытым в нём и вечно бодрым пламенем, и от этого сосуда волнами расходились среди людей их же, только просветлённые страдания, их же, только обострённые сомнения.

Гёте, Пушкин, Гейне, парнасцы говорили нам не раз о первом поэте и звали за ним *в прохладные сады Академа* (выделено мною – А. В.); но, читая Достоевского, Эдгара По, Гоголя, Толстого или Бодлера, мы чаще думали о втором, там, на выжженных берегах Мёртвого моря» [2, с. 239].

Нельзя не заметить, что смысловой нерв в многозначной символике «сада» связывается у Анненского с эллинской теорией творчества, в которую включается и пушкинский текст. Это позволило О. Ивановой выделить в его поэзии сквозную мифологему, античную по происхождению и связанную с именем Пушкина: «Ликейский аполлонический сад или парк». Сад, как указывает исследователь, для Анненского – это, прежде всего, Царское Село, а «современное Анненскому Царское Село и его парки имеют для поэта две ипостаси в античности: Дельфийский храм Аполлона и Ликей Аристотеля» [4, с. 140–141].

Библиографический список

1. Анненский, И. Ф. Стихотворения и трагедии / И. Ф. Анненский. – Л. : «Сов. писатель», 1990.
2. Анненский, И. Ф. Книги отражений / И. Ф. Анненский. – М., 1979.
3. Гитин, В. Е. «Интенсивный метод» в поэзии Анненского (поэтика вариантов: два «пушкинских» стихотворения в «Тихих песнях») / В. Е. Гитин // Русская литература. – СПб. – 1997. – № 4.
4. Иванова, О. Ю. А. С. Пушкин в античных мифологемах И. Ф. Анненского / О. Ю. Иванова // Пушкин и мир античности. – М. – 1999.
5. Золотницкий, Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях / Н. Ф. Золотницкий. – СПб., 1991.
6. Платон. Избранные переводы / Платон. – М., 1965.
7. Савельева, Г. Т. Два мифа о Царском Селе. Анненский и Мандельштам / Г. Т. Савельева // Иннокентий Анненский и русская культура XX века. – СПб., 1996.
8. Тарановский, К. О поэзии и поэтике / К. Тарановский. – М., 2000.

A. V. Podvornaya, Omsk's state pedagogical university

THE SEMANTICS OF THE GARDEN IN THE POEM I. ANNENSKOGO «ONLY THE ONE WHOSE KEEP CALM»

This article presents the intertextual analysis of I. Annensky's poem, where poetological semantics of the garden is explained. Traditional motif of Muse appearance in the poet's secluded house is written in the poem. Space of solar garden binds to two contexts: the «golden age» of antiquity and Pushkin's poetic century.

Keywords: the Russian poetry, semantics of the garden, Muse, theory of creativity, Tsarskoye Selo.

References

1. Annensky I. F. *Stikhotvoreniya i tragedii* [Poems and tragedies]. Leningrad, 1990. 640 p.
2. Annensky I. F. *Knigi otrajenii* [Books reflections]. Leningrad. 1979. 679 p.
3. Gitin V. "Intensive method" in the poetry of Annensky 's. *Russian literature*, 1997, no. 4, pp. 34–53.
4. Ivanova O. Pushkin in ancient mythologems I. F. Annenskogo. *Pushkin i mir antichnosti*, Moscow, 1999, pp. 139–149.
5. Zolotnitsky N. F. *Cveti v legendah i predaniyah* [Flowers in the legends and traditions]. Saint Petersburg, 297 p.
6. Platon. *Izbrannie perevodi* [Favorite translations], Moscow, 1965, 442 p.
7. Savelyev G. T. Two of the myth of Tsarskoye Selo. Ann and Mandelstam. Innokenty Annensky and the Russian culture of the XX century. Saint Petersburg, 1996. pp. 143–152.
8. Taranovsky K. *O poezii i poetike* [About poetry and poetics], Moscow, 2000. 432 p.

© А. В. Подворная, 2016

Автор статьи – Алла Владимировна Подворная, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: alla_omsk@bk.ru

Рецензенты:

Е. А. Акелькина, доктор филологических наук, профессор, руководитель Омского регионального научно-исследовательского Центра изучения творчества Ф. М. Достоевского.

Е. В. Беликова, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет.